

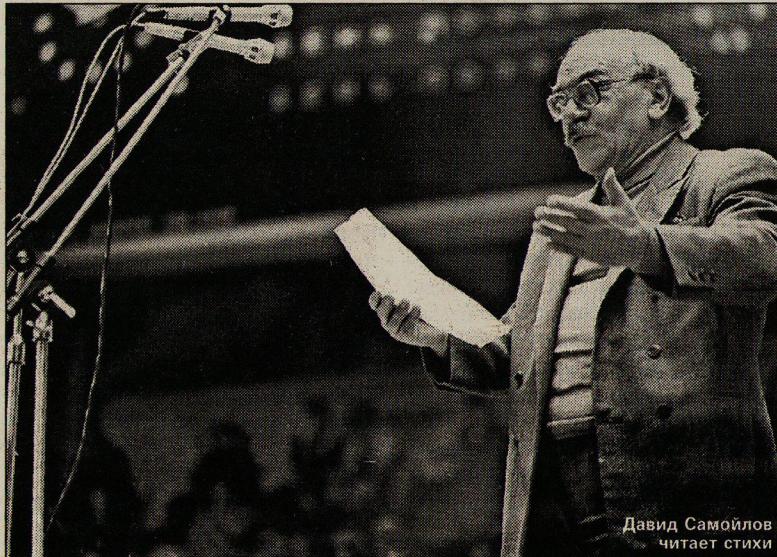
Самойлов Давид
(нот)

1.10.02

ДНЕВНИК

Почему так интересно читать дневник писателя, тем паче любимого? Потому что — пир парадоксов и нестыковок! А сколько криво крученых нитей меж человеком и автором, сердцевиной и репутацией. Двухтомник прекрасного поэта Давида Самойлова «Поденные записи» (М., «Время», 2002) наконец соединил все его дневниковое наследие, а оно долгое. Первая запись — 1934 года (автору — 14), последняя сделана в феврале 90-го, накануне кончины. Самойлов сразу осознал дневник как документ: «Мой дневник является со временем и довольно интересным с исторической стороны произведением» (1935). Первые вехи — довоенная Москва, школа с зубрежкой и учкомами, пробы пера, чреда влюбленностей, чтение взахлеб. Колорит времени, окрашенного энтузиазмом и слепой верой в фальшивую утопию, встает с этих страниц без правки постфактум. Вот подросток отнес стихотворение «Чапаев» в «Пионерскую правду». Вот его премировали брюками за активную общественную работу и ударную учебу. Вот запись: «Перед лицом Великого я вступаю в комсомол». Террор не мерцает даже фоном. С интеллигенцией бывает. В войну молодой ифлиец входит, стремительно взрослея: «Для нас осталась единственная романтика — победить». Записи «свинцовых, пороховых» — меж по-

Пир парадоксов

Давид Самойлов
читает стихи

эззией и прозой. Автор слушает солдатские разговоры, всматривается в народный нрав, погружается в фольклор. И даже роняет: «Думаю о романе». Есть среди этих заметок и прорицательные. «Скоро ли после этой войны любовь к России сможет выражаться по-щедрински? Вероятно, законная гордость победителей и взыграет, и обратится в баухальство, и невежество задерет нос...» (1944) Сатира и впрямь покинула русскую литературу советского розлива, причина чему — не только «гордость по-

бедителей», но и феномен имперского страха, который Самойловым при самоанализе недооценивался. С 1946 года — Литинститут. Яркие портреты поэтов-сверстников: красавец Гудзенко, неуклюже неистовый Мандель (Коржавин), в свою очередь прозвавший Межирова «буйством грозы в коридоре», гениальный небывалист Глазков. Сквозь всю жизнь — любовь-вражда со Слуцким. Вообще в этих дневниках Моцарт постоянно борется с Сальери Зоиловичем Фобо-

Впервые полностью опубликованы дневники поэта Давида Самойлова

вым (цитата из самого Д.С.). Что делать: се человек (да еще поэт)! Самойлов не только уважал свою среду — «мыслящую элиту», зачастую и плебейски высокомерную, и приспособленческую, и банальную. Однако ехидство предпочитал прятать в недрах дневника. Напротив, не идеализируя «контору либеральных идей» (самойловский же синоним: «диссиденты-тактики»), он оставался ее завсегдатаем и кумиром: «Я чуть не первый поэт среди московских «энтелектюэль». За это мне еще воздастся». Достоевщина: в стихах возжигать либеральную романтику (обожаемое среди «Пестель, поэт и Анна»), а про себя не без презрения ее шаржировать, искося приглядываясь к родственным фигурам из антагонистов: «Солженицын неминуемо должен породить новый тип писателя: правитель хамских дум, божьей милостью хам. Поэт Ю. Кузнецов — первая ласточка. Хамы милостью божьей». Клановость Самойлов изнутри приперчивал остро-чужими специями — и каше эта легкая игра без выхода за рамки импонировала больше, нежели угрюмо одинокая, нежеманнья муз Слуцкого.

Любопытная запись 1974 года, после исключения Л.К. Чуковской из Союза писателей: «Каждый раз

вопрос: правильно ли выбрана линия? Не пора ли возопить? Не хочется быть ни с теми, ни с другими». Не хочется, но получается! В «Поденных записях» явлен избыток официозной суэты («субординационное честолюбие». — Д.С.). Дневниковая хроника выдает в пушкинианце прижившуюся совзакваску: он и на похоронах всегда отметит, по какому рангу провожают коллегу. Заседания, премии, ссуды, съезды. «Все это — упоминания в статьях, интервью, прочая мелочь — знаки существования». Да, вечных знаков бытия порою и элегистам не хватает, тогда витальность подзаряжается снизу. Еще мы узнаем тайны ремесла, еще вместе с автором вспышко перечитаем важные книги. Самойлов умел скимать фразу до открытия: «Медленно читаю «Живаго». Как надо любить и уважать героя, чтобы отдать ему лучшие свои стихи». Будоражит мысль россыпь афоризмов. «Самоутверждаются всегда на чужих kostях». «Человек, несколько раз меняющий взгляды, переменит их еще раз или два». И наконец — «Внутренней свободы можно добиться, осуществляясь в невсвободе». Последний тезис сомнителен, но вынужденная задача была дерзновенной.

Татьяна БЕК

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ

-2002-9 окт, -€26

298